

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ—
ЭТНИЗАЦИЯ
*Этнокультурные
и этноязыковые
процессы*

В двух книгах

Книга I

МОСКВА НАУКА 2006

Этот механизм расширения знаний можно показать на примере сопоставительного анализа АП *die Arbeit* – “работа” в немецком языковом сознании (Уфимцева и др. М.-Воронеж, 2004). АП *die Arbeit* в немецком языке имеет следующие слова-реакции: *Geld* (деньги) – 15%; *anstrengend* (напряженная), *schwer* (тяжелая) – 5,5%; *Stress* (стресс), *Lohn* (заработная плата) – 2,5%; *Schule* (школа), *Mühe* (усилие), *Schaffen* (творчество), *Geld verdienen* (зарабатывать деньги), *Job* (работа) – 2%; *hart* (жесткая), *Spaß* (удовольствие), *verdienen* (зарабатывать); *mühsam* (с трудом); *verrichten* (осуществлять); *wichtig* (важная) – 1,3%; *arbeitslos* (безработный), *langweilig* (скучная), *Pflicht* (долг), *tun, Beschäftigung, Fleiss, Freude, leben, notwendig, Scheisse* и т.д. Все АП *die Arbeit* включает в себя при 453 испытуемых 150 разных слов, частотная часть включает в себя – 12% всех слов: *langweilig* (скучная), *Pflicht* (долг, обязанность), *tun* (делать), *Beschäftigung* (занятие), *Fleiss* (усердие), *Freude* (радость), *leben* (жить), *notwendig* (необходимая), *Scheisse* (дерьмо) – 1%.

Качественный сопоставительный анализ АП *работа* и *die Arbeit* показывает, что в образ “работа” в сознании носителей русской и немецкой культур входит общее представление о работе как чем-то тяжелом, трудном, связанном с напряжением. Но в немецком сознании работа рассматривается также и как долг в гораздо большей степени, чем в сознании русских. Но самое главное отличие в немецком образе “работа” – это представление о работе как о средстве заработка в первую очередь. Это действительно удивительное отличие, подчеркивающее склонность немецкого менталитета к известной рациональности.

Для нашей проблематики распространения знаний в ходе общественно-экономической деятельности, называемой глобализацией, важно увидеть в результатах сопоставительного анализа русского АП “работа” и немецкого “*die Arbeit*” вывод, что диалог русской и немецкой культур неизбежно приведет к расширению представлений о работе в обеих культурах. Если расшатывается значительное число образов сознания определенного этноса, то это может угрожать потерей идентичности, как это происходит с сознанием современных русских, этические представления которых расшатывает отечественное телевидение, в котором отдельные каналы действуют в духе неосознаваемой вестернизации. Эта неосознаваемая вестернизация проявляется в трактовке текущих политических событий, которые преподносятся телезрителям в понятийном аппарате, сформированном телеведущими под влиянием СМИ стран англосаксонской культуры: “мир

однополярный”, “мир многополярный”; “центр – периферия”; “страна изгой”; “фундаментализм исламский”; “сфера интересов США”; “мировая валюта”; “империя зла”; “наказание (стран противников США)”; “крушение СССР” и т.д.

Наш анализ только пунктирно указывает на, пожалуй, самые важные семиотические проблемы осмысления современного мира. Эта проблематика сейчас уже интенсивно разрабатывается, но нуждается в дальнейшем исследовании и настоящая монография является одним из вкладов в эту разработку.

ЛИТЕРАТУРА

- Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. Москва; Киев. 2002.
 Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
 Кара-Мурза С. Антисоветский проект. М., 2002.
 Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
 Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М., 2002.
 Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Эккерт Х., Милехина В.И., Топорова В.М. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. Москва; Воронеж, 2004.

В.А. Дыбо

(Россия)

ЯЗЫК – ЭТНОС – АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

(Несколько мыслей по поводу
индоевропейской проблемы.) IV

В последние десятилетия серьезно изменилось положение в сравнительно-историческом языкознании. Создание больших этимологических словарей северокавказской (С.Л. Николаев и С.А. Старостин) и алтайской (С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак) языковых семей и индоевропейской этимологической базы данных (С.Л. Николаев) позволяет ввести в сопоставление тематически организованные корпуса основной праязыковой лексики; наличие этимологического северокавказского словаря и создание сино-тибетского (И.И. Пейрос, С.А. Старостин) и енисейского (С.А. Старостин) этимологических словарей

позволило С.А. Старостину провести соответствующие этимологические исследования и доказать наличие второй макросемьи Старого Света: сино-кавказской (по предварительным исследованиям С.Л. Николаева на-дене-сино-кавказской) макросемьи; дальнейшие исследования привели к выводу о вхождении в эту макросемью или даже в северокавказскую семью таких языковых групп, как хуррито-урартская (И.М. Дьяконов и С.А. Старостин), хаттская (Вяч.Вс. Иванов), баскская (В.А. Чирикба) и, возможно, тирренская (этрусский с его ретийским диалектом, язык тирренских переселенцев в Лузитании и язык Лемноской стеллы; С.А. Старостин, В.Э. Орел); в последнее время С.А. Старостиным была проведена этимологическая обработка и доказано вхождение в данную макросемью бурушаски-вершикской группы (Памир). По глоттохронологии распадение сино-кавказской макросемьи датируется восьмым тысячелетием до н.э. (распадение ностратической макросемьи датировано нами 12 тыс. до н.э.). Наличие у двух групп языковых семей праязыков-источников позволило провести ряд исследований по выявлению лексических заимствований на праязыковом уровне: из северокавказского в праиндоевропейский и в отдельные индоевропейские группы (С.А. Старостин и С.Л. Николаев), из сино-тибетского в дравидийский (И.И. Пейрос). Такого рода исследования проводились и раньше, но они не могли быть верифицированы ввиду отсутствия сравнительно-исторических грамматик более глубокого уровня. Наличие лексических заимствований из северокавказского в праиндоевропейский и в отдельные индоевропейские группы заставило нас предполагать, что индоевропейский в Европе “наложился” на северокавказские и близкие им языковые группы. Эта ситуация многократно обсуждалась на Ностратическом семинаре и в этом отношении предлагаемое мной направление дальнейшего поиска является продолжением этих обсуждений. Сейчас группой Ностратического семинара создаются этимологические базы данных всех языковых семей Старого Света, а на их основе тематически организованные корпуса основной праязыковой лексики. Сопоставительный список тематически организованной основной лексики двух праязыков: индоевропейского и алтайского, был составлен А.В. Дыбо. Аналогичный список северокавказской лексики, естественно, будет составлен С.А. Старостиним.

Уже тот список, который мы имеем, позволяет нам значительно уточнить наши представления о среде, в которой жили эти два пранарода, об их хозяйственной деятельности, об их пище и под.; иногда такое уточнение довольно неожиданно.

“Прежде всего, степь должна быть исключена из регионов, заселенных праиндоевропейцами периода распада. В лексиконе присутствуют довольно высокие горы с большим количеством различных типов скал и острых или больших круглых камней¹. Иногда эти горы покрыты лесом. Имеются слова для узких проходов, ущелий, пещер, обрывов и пропастей, холмов, лощин, речных долин, заливных лугов. Реки определено мельче, чем у праалтайцев (практически полностью отсутствует семантическое варьирование между рекой и морем); ср. здесь же существенно более слабую функцию рыболовства в индоевропейской экономике (выражающуюся значительно меньшим количеством наименований для частей тела рыбы, видов рыб и орудий рыболовства). Но, возможно, у них было поблизости море или большое озеро с песчаным берегом.

В языке праалтайцев ландшафт был представлен не очень высокими горами, пологими склонами, по-видимому, предгорьями (при наличии также скал и осыпей). Восстанавливается несколько терминов, обозначающих “переходить через горный перевал”. В значительном количестве представлены слова для долин и степей. Степи при этом достаточно засушливые и пыльные, по-видимому, с невысокими сопками. Имеется много терминов для обозначения небольших быстрых речек с отмелями и перекатами, но есть и слова для обозначения больших рек, рефлекссы которых обнаруживают семантическое варьирование между значениями “большая река” и “море”. Можно говорить также о наличии названий для наводнений (последние, в принципе, могут указывать на сезонный разлив больших рек). Не удается получить надежную реконструкцию слова со значением “море” для праалтайского. Тунгусо-маньчжурское название моря может быть возведено к общеалтайскому названию волны, а общекореояпонский термин для моря восходит к исходному значению “брод”. Аналогичное развитие можно видеть, например, в древнегреческом, где название моря исторически объясняется как развитие исходного значения “водный путь”.

Климат прародины алтайских народов, по-видимому, был более холодным и сухим, чем у праиндоевропейцев. На это указывает существенно большее количество слов со значением “замерзать”, “холодный”. Имеются слова, обозначающие одновременно “ясная погода” и “холодная погода”. Отмечены термины для “пыльной бури”. Но и для праалтайского, и для праиндоевропейского, по-видимому, следует реконструировать членение года минимум на четыре сезона² (если не на пять, как в пратунгусо-маньчжурском, где отдельно выделяются ранняя (период таяния снега) и поздняя (период цветения весна), с холодной снежной зимой).

Что касается флоры, характерной для зоны проживания праалтайцев, то прежде всего следует отметить достаточно большое число названий для хвойных деревьев. Показательным здесь является наличие термина для сибирского кедра. Имеется небольшое количество широколиственных деревьев (в основном, дубы), и значительное разнообразие узколиственных (рябина, тополь, ива, ольха), подлесок, состоящий из разных типов орехоплодных и ягодных растений, цветущих кустов, грибов. Если добавить к этой картине ряд терминов для диких злаков, конопли и полыни, то можно предположить, что прародина алтайских народов находилась в пограничной зоне южной тайги и степи.

¹ Ср. то же заключение, опирающееся на несколько другие основания, в [1, 665–670].

² Вопреки [1, 677–683], ср. также [2, 1 534–535].

Заметим, что для надежно реконструируемой индоевропейской флоры характерны и хвойные (виды сосен и елей), и значительное разнообразие широколиственных деревьев (бук³, граб, клен, вяз), как и узколиственных (рябина, ясень, береза, ольха), также растения подлеска с орехами и ягодами. Трудно связать это с конкретной климатической зоной, но отсутствие вечнозеленых растений (кроме хвойных, как тис и можжевельник), возможно, говорит о том, что прародину индоевропейцев не следует относить слишком далеко на юг. Весь список растений производит впечатление горного леса где-то в умеренной зоне (Балканы?)⁴. Индоевропейские названия трав (белена, чемерица, марь, дягиль, сныть, папоротник) скорее указывают на лес, чем на степь.

В праалтайском языке, как и в праиндоевропейском, восстанавливается достаточно разнообразная система названий диких животных. Особенно много терминов для диких копытных: для разных видов оленей, для лося. Существенные отличия между алтайской и индоевропейской системами: во-первых, в праалтайском явно восстанавливается название дикого верблюда, которого нет в праиндоевропейском, зато в праиндоевропейском имеются термины для диких быков, которых определенно нет в праалтайском. Во-вторых, в праалтайском, по-видимому, можно восстанавливать значительно более подробную половозрастную терминологию для диких копытных, чем в праиндоевропейском, что показывает большую важность охоты в жизни праалтайцев.

В обоих языках имеется значительное количество обозначений крупных и средних хищников. Для определения географического положения прародины алтайцев важным является термин для росомахи. Интересно, что, в то время как индоевропейские названия крупных хищников хорошо сохраняют семантику по рефлексам, праалтайские названия крупных хищников обычно дают разные рефлексы в дочерних подгруппах, с колебанием между медведем, волком и тигром – скорее всего это связано с табуированием. Точные значения названий пушных зверей не удастся восстановить ни для праиндоевропейского, ни для праалтайского из-за большого разнообразия значений рефлексов. Любопытно, что для праалтайского реконструируются два названия для обезьяны (NB, что ПИЕ название обезьяны, скорее всего – семитское заимствование).

Выше уже говорилось о более разнообразной “рыбной” терминологии в праалтайском. Так называемый “критерий лосося” в настоящее время признается менее существенным для определения прародины индоевропейцев, поскольку соответствующее слово в языке могло означать и “форель”, но в

³ Ср. довольно широкую область, определяемую “критерием бука” в [1, 623], [5, 112].

⁴ Ср. похожее заключение в [5, 167]: “The widely ramifying and comparatively regular reflexes [of tree names – A.D.] suggest that the speakers of the Common Slavic period lived in an ecological zone similar or identical to that of the PIE, and that, since the Common Slavic period, the speakers of the various Slavic dialects have for the most part continued to occupy such an area”. (“Широко разветвленные и довольно регулярные рефлексы (названий деревьев) предполагают, что носители общеславянского языка жили в экологической зоне, сходной или идентичной с праиндоевропейской, и что с общеславянского периода носители различных славянских диалектов продолжали по большей части занимать ту же область”). Это определенно указывает на Балканы, но Фридрих далее почему-то рассуждает о “the Ukraine or the Cossak steppe” (“Украине или казацкой степи”).

праалтайском определенно обнаруживается большое количество названий для лососевых рыб.

Охотничья и рыболовная терминология развита в праалтайском гораздо сильнее, чем в праиндоевропейском, что указывает на меньшую важность этих занятий для индоевропейской экономики.

Ядром праалтайской экономики, по-видимому, было сезонное пастбищное скотоводство (ср. наличие термина “загон для скота”, отсутствующего в ПИЕ) – либо развитая сезонная охота с загонным компонентом. Имеются названия для коров, овец, коз и свиней, однако половозрастная терминология является общей для всех видов скота. Есть слово для лошади и несколько терминов, связанных с верховой ездой. Роль земледелия была менее существенна, хотя имеется ряд названий для культурных злаков. Основным инструментом, вероятно, являлся род мотыги (возможно, использовавшийся также для выкапывания диких корнеплодов, что практиковалось позже сибирскими народами).

Основным родом хозяйственной деятельности для праиндоевропейцев, возможно, были земледелие и хорошо развитое оседлое скотоводство. По-видимому, были специфические инструменты для вспашки (по культурно-историческим причинам, мы не говорили бы здесь о плуге, но, тем не менее, кроме наименований мотыги в ПИЕ имеется общее название для вспашки, сохраняющееся в хеттском⁵, от которого произведено ИЕ название плуга; можно восстанавливать общее название сошника – возможно, также специфический наконечник мотыги?). Имеется название для сена (отсутствует в праалтайском), что может указывать на зимнее стойловое содержание скота (в противоположность мене пастбищ у праалтайцев)⁶. В праиндоевропейском восстанавливается терминология коневодства, но не верховой езды. Основными видами скота были, по-видимому, крупный рогатый скот (для которого терминология более развитая, чем в праалтайском), козы, овцы, свиньи.

Номадные черты явно значительно более определенно выделяются в праалтайском лексиконе. Сюда относятся термины, связанные с верховой ездой,

⁵ Проблема индоевропейского плуга обсуждается в обширной литературе и работает в качестве аргумента для множества противоречивых утверждений. Для нас здесь интересны два из них. 1) Шрадер утверждает, что терминология плужного земледелия лучше реконструируется для индоевропейских языков Европы и отличается от реконструируемой в индоиранских языках, причем это так, в частности, для глагола *ar- ‘пахать’ (см. [2, I 9–10]). Но ср. иран. *ar- ‘работать, делать’ и такие реликтовые значения как пушту *āra* ‘борозда’, хуф. *arḁān* ‘насыпь между арыком и полем’, см. [12, I 198]. 2) В [1, 690] утверждается, что плуг появляется в Европе относительно поздно (не раньше середины II тысячелетия до н.э.) и что существование названия плуга в ПИЕ указывает на переднеазиатское происхождение ПИЕ (в Передней Азии первые признаки плуга появляются на границе V и IV тысячелетий). Но археологи вовсе не так уверены относительно времени появления плуга, ср. [13, 228–230] относительно надежных свидетельств плужного земледелия в юго-восточной Европе во второй половине III тыс. до н.э., и возможности того, что плугоподобные устройства использовались и раньше; более того, практически общепринято мнение, что использование плуга характерно для культур Винча (V–IV тыс.) и Лендьял (с 2600 г. до н.э.) в юго-восточной Европе, см. [14, 138–139] и [15, 75] (о ритуальном опаживании в Лендьял).

⁶ Ср. [2, I 338].

многочисленные глаголы, означающие “запаковывать” и “распаковывать”, более подробная терминология упряжи. Колесо для праалтайского не реконструируется, в отличие от праиндоевропейского. Праалтайское транспортное средство, видимо, представляло собой волокушу. Отметим более развитую в праалтайском терминологию, связанную с плаванием на лодках и/или плотах.

Существенных различий в кулинарной терминологии обоих праязыков не наблюдается. Количественное соотношение названий молочных (по большей части кисломолочных) и мясных блюд с названиями блюд, приготовленных из злаков, в обоих праязыках примерно одинаково. Видимо, праалтайцам было неизвестно борничество, в отличие от праиндоевропейцев⁷.

Что касается названий одежды, то, в отличие от праалтайского, в праиндоевропейском реконструируются только неопределенные названия для одежды и обуви. В праалтайском терминология более дифференцирована и содержит, например, названия чего-то вроде штанов или наколенников⁸ (одежды, удобной для верховой езды).

Языковой материал побуждает восстанавливать наличие ранних стадий обработки металлов, возможно бронзы, для обоих праязыков.

По-видимому, на праалтайском уровне можно восстанавливать некоторые термины, связанные с прядением и ткачеством. В этом отношении праалтайский также практически не отличается от праиндоевропейского.

Восстанавливаются два типа праалтайского жилища: переносное с решетчатыми (плетеными) стенками и покрытием из кож и стационарное: полуземлянка со входом через дымовое отверстие и, возможно, со вторым входом через коридор с дверью. Жилище, возможно, было круглым или многоугольным (отсутствует регулярная полисемия “внутренний угол” / “часть дома”), не имело комнат (внутреннее пространство при этом, вероятно, подразделялось на несколько частей с различным функциональным и социальным статусом). Хозяйственные постройки представляли собой нечто вроде крытых лабазов для хранения продуктов или вещей. Отсутствует специальное слово для крытых помещений для скота, однако имеется несколько слов для загонов. Отсутствуют слова для клановых поселений и для внутренней структуры поселений. Имеются некоторые термины для укрепленных поселений. Не зафиксированы названия для дома правителя или храма.

Индоевропейское жилище было определено не круглым (при наличии регулярной полисемии “внутренний угол” / “часть дома”), возможно, прямоугольным, многокамерным, но вряд ли многосемейным; реконструируется название кланового поселения с несколькими домами. Названия частей построек включают наименования деревянных деталей, возможно столбов, подпирающих крышу. Это вряд ли была полуземлянка (как в праалтайском); отсутствует также название дымового отверстия. Имеется несколько названий для жесткой (деревянной) двери с косяком и каких-то запорных устройств. Восстанавливаются названия вспомогательных строений, в частности, хлева (отсутствует в праалтайском), нет названий переносного жилища. Неясно, были ли ПИЕ поселения уличного или площадного типа, но какой-то тип структуры там присут-

вовал. Некоторые термины относятся к укрепленным поселениям; есть названия для дома правителя или вождя, для круглого храма.

Термины родства в праалтайском указывают на патрилокальность, а некоторые особенности (колебания между терминами кровного родства и родства по браку) могут указывать на наличие кросс-кузенного брака или обмена сестрами. Имеются термины для со-жен, что указывает на наличие полигамии.

Термины родства и свойства в праиндоевропейском свидетельствуют о патрилокальности, но вряд ли о кросс-кузенном браке (вопреки [1, 767–768], соответствующая семантика, скорее всего, вторична и возникает в отдельных семьях). Отсутствуют слова со значением “со-жена”.

Среди имущественной терминологии в обоих праязыках присутствуют термины обмена и торговли. Любопытно, что только в праалтайском реконструируется расчлененная система производной терминологии дарения, в индоевропейских языках все названия даров производны от глаголов со значением “давать”, кроме того, есть названия выигрыша (в состязании), военной и охотничьей добычи (см. [3]).

Из оружия в праалтайском хорошо восстанавливаются термины для каких-то типов стрел и луков, колчанов. Имеются термины для копья и остроги. Нет специализированного термина для меча (только какие-то типы ножей). Для праиндоевропейского не находим общих названий для лука и стрелы; восстанавливаются названия каких-то типов топоров, мечей и копий.

Что касается “религиозной” терминологии праалтайцев, то следует отметить наличие целого ряда слов для названий шаманов, духов и шаманистических практик. Показательно наличие корня со значением ‘поститься’. Это существенно отличается от ситуации в праиндоевропейском, ср., хотя бы, разветвленный праиндоевропейский пантеон (А.В. Дыбо. Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания. Из текста доклада, прочитанного на Бюро Отделения истории и филологии РАН 20 октября 2004 г.).

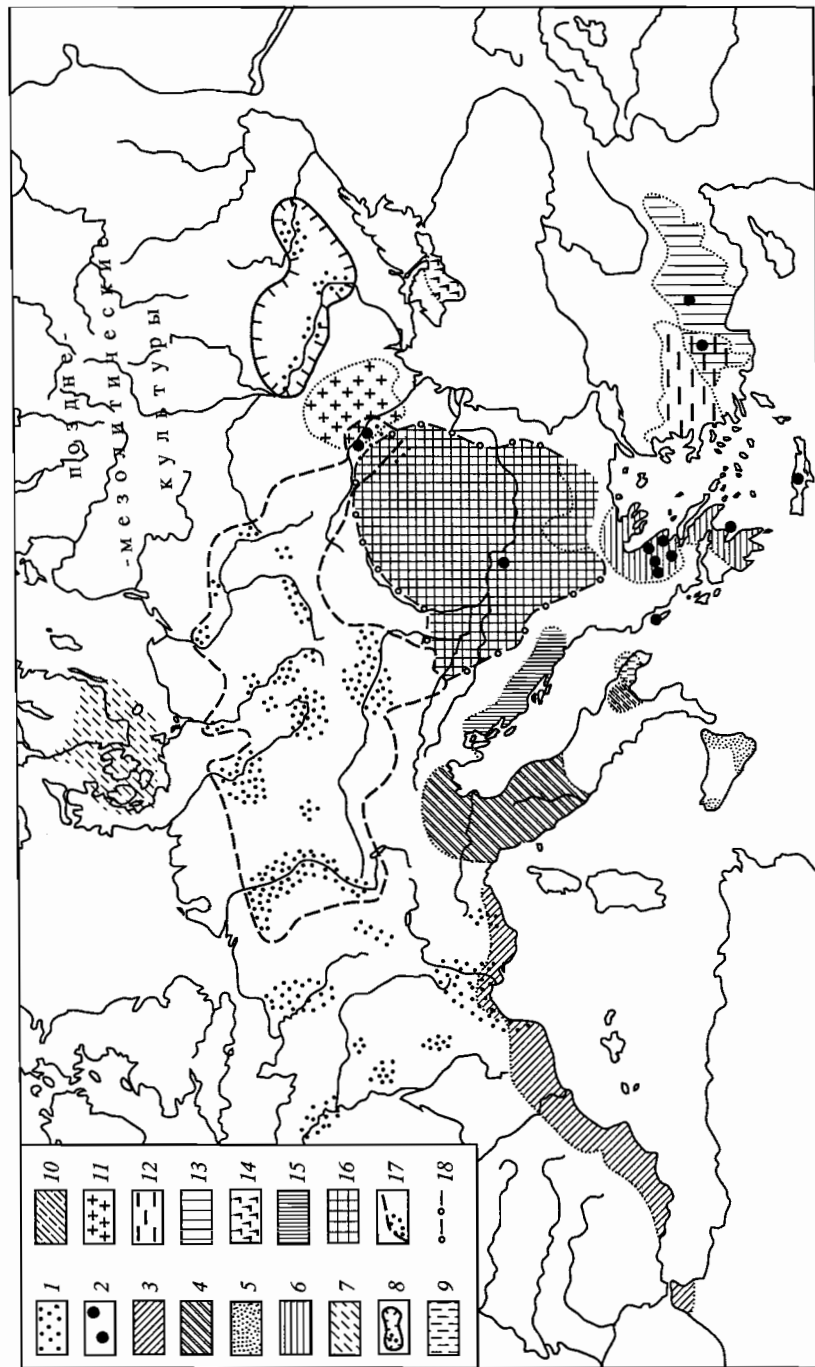
Сокращения из доклада А.В. Дыбо

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
2. Schrader O., Nehring A. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, I–II. Berlin – Leipzig, 1917–1928.
5. Friedrich P. Indoeuropean names of trees. Chicago, 1979.
12. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000. Т. 2. М., 2003.
13. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.
14. Софронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
15. Makkay J. Die Grabenanlagen in indogermanischen Raum. Budapest, 2001.

Сейчас нет подобного списка по северокавказской лексике, он появится позднее; но имеется статья С.А. Старостина “Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде”. На основании разбора этой лексики С.А. Старостин пишет: “Носители прасеверокавказского языка уже к моменту его распада

⁷ Ср. так же в [1, 602–611], [2, I 139–142] (и ср. также отсутствие одомашненной пчелы в большей части Азии, в частности, что касается Туркестана, Окса и Яксарта).

⁸ Ср. [2, I 512–513]: в погребениях даже Северной Европы в эпоху бронзы отсутствуют штаны, они появляются только в эпоху железа.

находились на довольно высоком уровне развития. Лексический анализ позволяет констатировать у них наличие скотоводства (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади), земледелия (с возделыванием проса, ячменя, пшеницы), а также по меньшей мере начальную стадию развития металлургии. Это означает, что ПСК период можно отнести к концу неолита или к началу эпохи бронзы. Такую датировку подтверждают, вероятно, ещё некоторые лингвистические свидетельства (наличие в ПСК ряда корней, связанных с домостроением; ряда корней, обозначающих плодовые растения; полная система числительных от 1 до 100)” (Старостин 1985: 89).

“Глоттохронологические подсчеты показывают приблизительно 20% совпадений в 100-словном списке Свадеша между современными нахско-дагестанскими и абхазо-адыгскими, что соответствует времени распада около середины VI – начала V тысячелетия до н.э.” (Старостин 1985: 90).

Бросается в глаза наметившееся в европейской археологии выделение двух генетически связываемых между собой “блоков” археологических культур, в определенных случаях рассматриваемых как хронологические цепочки генетически связанных археологических культур. Наиболее решительно организация этих “блоков” декларируется в книге В.А. Сафронова “Индоевропейские прародины” (Горький, 1989); но указание на связи этих культур мы находим и в работах других исследователей:

I. Блок, который можно, предположительно, связать с северокавказской языковой семьей (см. карту 1).

←
Карта 1. Неолитизация Европы: конец VII, VI и V тыс. до н.э. Основные культурные и культурно-исторические общности

(Из книги: История Европы, 1: 670)

1. Основная концентрация памятников культуры Шассей. 2. Памятники и группы памятников прото-неолита и докерамического неолита. 3. Ареал культуры керамики импрессо в Западном Средиземноморье. 4. Территория распространения культуры Сассо-Фьорано. 5. Ареал культуры Стентинелло на Сицилии. 6. Территория распространения культур Протосекло и радужной керамики. 7. Территория распространения поздне-мезолитической культуры Эртебелле. 8. Ареал днепродонецкой культуры с районами наибольшей концентрации памятников. 9. Распространение памятников с керамикой Cardium в Южной Италии. 10. Распространение памятников расписной керамики типа Матера. 11. Ареал памятников буго-днестровской культуры. 12. Территория распространения памятников культуры Хаджилар VI. 13. Территория распространения памятников культуры Чатал Хейюк. 14. Неолитические памятники Крыма. 15. Распространение памятников с керамикой Cardium в Югославии. 16. Территория распространения культурно-исторической общности Караново I–Старчево–Кереш–Криш. 17. Границы ареала культуры линейно-ленточной керамики и наибольшая концентрация ее памятников. 18. Западная, северная и восточная границы ареала культурно-исторической общности Караново I–Старчево–Кереш–Криш.

1. Старчево – Криш – Кёрёш – Караново (вторая половина VI – первая половина V тыс. до н.э. до IV тыс. до н.э.).

2. Культура линейно-ленточной керамики (V тыс. до н.э.; в лёссовых областях на большом пространстве [почти 1600 км в длину и около 1000 км в ширину] от Белграда до Брюсселя и от Рейна до Вислы и Днестра [захватывает также Чехословакию, территорию Германии и Южные Нидерланды]; в позднем периоде племена линейно-ленточной керамики занимали часть Франции [Парижский бассейн] и Румынию [северо-восток страны и Валахию]). О генезисе культуры линейно-ленточной керамики А.Л. Монгайт пишет следующее: “По мере изучения культуры линейно-ленточной керамики и установления ее периодизации возникла мысль о ее генетической связи с культурой старчево-криш. Но это был не тот народ, который создал телии на Балканах, так как формы поселений коренным образом различаются” (Монгайт I: 224). Но после изложения позиции Г. Чайльда, он занимает более решительную позицию: “Гораздо более решительно, чем Чайльд, говорят о связях культуры линейно-ленточной керамики с культурой кёреш другие исследователи. Формы керамики – сосуды для ношения на спине, чаши на ножках, шаровидные сосуды и т.п., способы орнаментации, состав глины и поверхность сосудов этих культур очень сходны. Сходство традиции видно и в некоторых глиняных фигурках и гравюрах на сосудах (изображения людей, двойных секир), и в полированных каменных орудиях. Все это свидетельствует о генетических связях культур” (Монгайт I: 229–230).

Поздние варианты культуры линейно-ленточной керамики: железовская культура [Восточная Австрия], культура альфельд [от Мароша и вдоль Тисы достигает Восточной Словакии]; культура бюкка [буковогорская, вдоль Верхней Тисы в горах Бюкка в Северной Венгрии и в Восточной Словакии]; культура тисы [бассейн Тисы].

3. Культура накольчато-ленточной керамики (территория Чехии, Средней Германии и Силезии; варианты: хинкельштейнская, ниерштейнско-гейдельбергская и рёссенская культуры) (после 4000 г. до н.э.).

4. Трипольская культура (Правобережная Украина, Молдова, в Румынии называется культурой Кукутени); ранний этап (4000–3600 г. до н.э.) – поселения Лука Врублевецкая, Ленковци, Солончены I и II, Флорешты, Бернашевка и др. (Поднепровье), Сабатиновка II, Александровка (Побужье). “Происхождение дискуссионно; в основе – неолитические племена, среди которых особая роль принадлежала носителям культур *Боян*, *Кереш* и

линейно-ленточной керамики” (Брей-Трамп: 251). Одним из компонентов формирования трипольской культуры явилась также буго-днестровская культура (см. Брей-Трамп: 41). Т.С. Пассек и Е.К. Черныш, однако, вообще не связывают трипольскую культуру с культурой линейно-ленточной керамики, считая ее предшествующий этап – “южно-бугскую”, соответствующей непосредственно культуре кёреш, а раннее Триполье возводят к культуре боян, соответствующей “концу Винча А” (см. Пассек и Черныш 1963: 39).

Затем следы культур, которые можно было бы отнести к данному блоку и связать с предшествующими, на территории Европы не прослеживаются. По-видимому, их перекрыли или преобразовали культуры, относящиеся ко второму блоку культур.

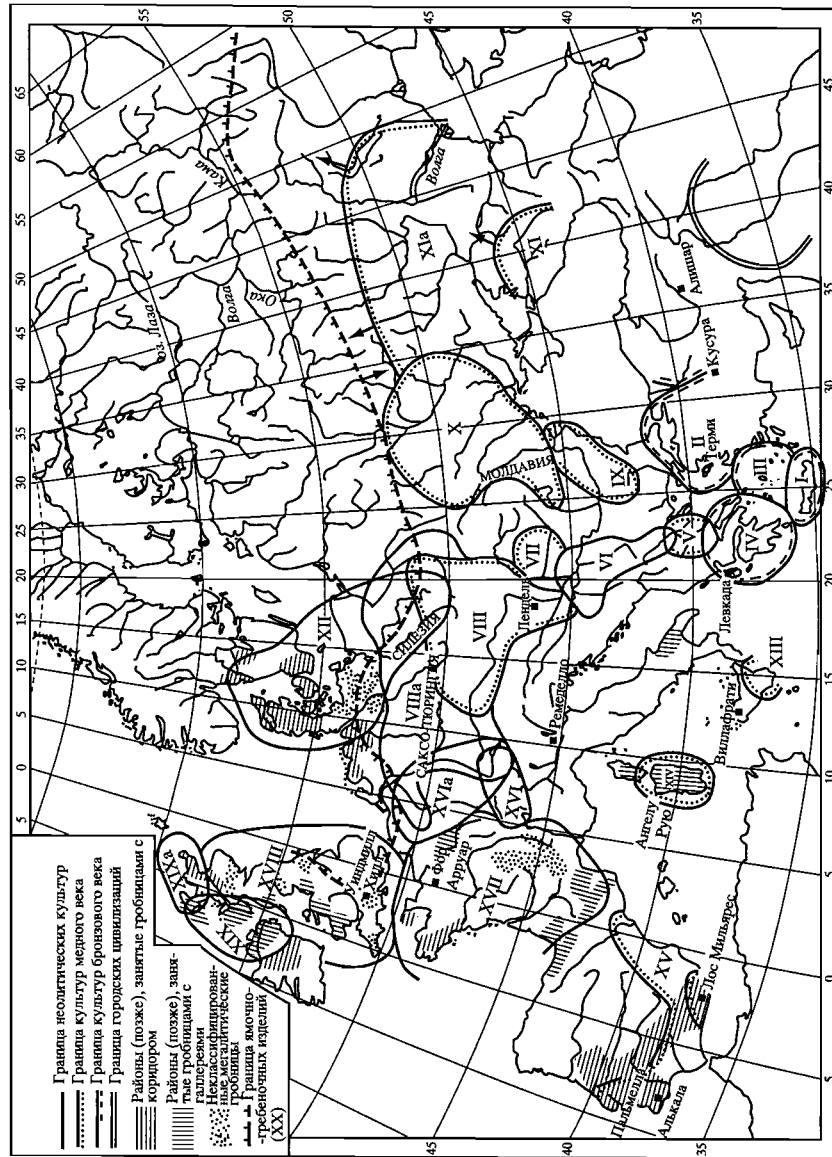
II. Блок, который можно, предположительно, связать с индоевропейской языковой семьей (см. карту 2).

1. Культура Винча (вардар-моравская) – с середины V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э. (по одним данным) или до первой четверти III тыс. (по другим данным), распространена за Балканским хребтом от долины Моравы до окраин дунайских лёссовых равнин близ Белграда.

2. Лендьел (IV тыс. до н.э.; Среднее Подунавье и западная часть Карпатского бассейна, включая междуречье Савы и Дравы на юге и Силезию, Малопольшу на севере).

3. Культура воронковидных кубков (точнее, культурная область распространения воронковидных кубков). 3000 г. до н.э. – 1800–1600 гг. до н.э., по другим данным 3350 г. до н.э. (на севере – юг Скандинавского полуострова [Южная Швеция], на востоке – юго-западная граница Литвы и запад Белоруссии, Вольны и бассейн Буга. “Эта культура ... может быть подразделена на четыре группы: 1) северную – в Дании и Южной Швеции; 2) западную – в Нидерландах и северо-западной части ФРГ; 3) восточную – в ГДР, Польше, западных областях СССР; 4) южную – в юго-восточной части ФРГ, Чехии и юго-западных областях СССР” (Монгайт I, 273).

4. Культура шаровидных амфор. Вторая половина III тысячелетия до н.э. (На западе – область Заале-Эльбы и Хафеля, в центральной части ФРГ, на севере до Балтийского моря между Ютландией и бассейном Немана, на юге до Румынии и на востоке до Вольны и Подолии. “Культура тесно связана с культурой *воронковидных кубков* и *шнуровой керамики*, хотя характер этих связей до сих пор не уточнен” (Брей-Трамп: 284). “Различают три группы памятников культуры шаровидных амфор: 1) вос-

точную, простирающуюся от Среднего Днепра до прибалтийских областей Польши (здесь открыто около 170 погребальных памятников и около 40 поселений); 2) силезскую, плохо изученную и известную главным образом по типичной керамике со штампованным и шнуровым орнаментом; 3) западную, известную по 150 открытым погребениям и нескольким поселениям” (Монгайт I, 278–279).

5. Культура шнуровой керамики, или культура боевых топоров. Радиоуглеродные даты появления культур с боевыми топорами на севере Европы 2485 ± 320 и 2245 ± 120 гг. до н.э. Эти культуры занимали громадную территорию от Волги до Рейна и от Финляндии и Южной Скандинавии до Швейцарии (см. карту 3).

Важнейшие разновидности:

1) Саксо-тюрингская культура шнуровой керамики и ряд родственных ей культур в Средней Европе. Саксо-тюрингская культура была распространена в бассейне Заале, к юго-востоку от Центральной Чехии и к западу от Рейнской области и Центральной Швейцарии. Г. Чайлд называет её “классической”; к этой характеристике А.Л. Монгайт дает примечание: “Теперь “классическими” культурами шнуровой керамики называют несколько групп, ранее относившихся к саксо-тюрингской: собственно саксо-тюрингскую, верхнелужицкую, богемскую, моравскую, южногерманскую, западно- и северошвейцарскую” (Монгайт I, 323). “Видна зависимость этой культуры от культуры шаровидных амфор. ... Начало культуры датируется 2200–2100 гг. до н.э., исчезновение – 1900–1800 гг. до н.э. и, вероятно, связано с появлением унетичской культуры бронзового века, одним из компонентов которой могли стать племена культуры шнуровой керамики” (Монгайт I, 281–282).

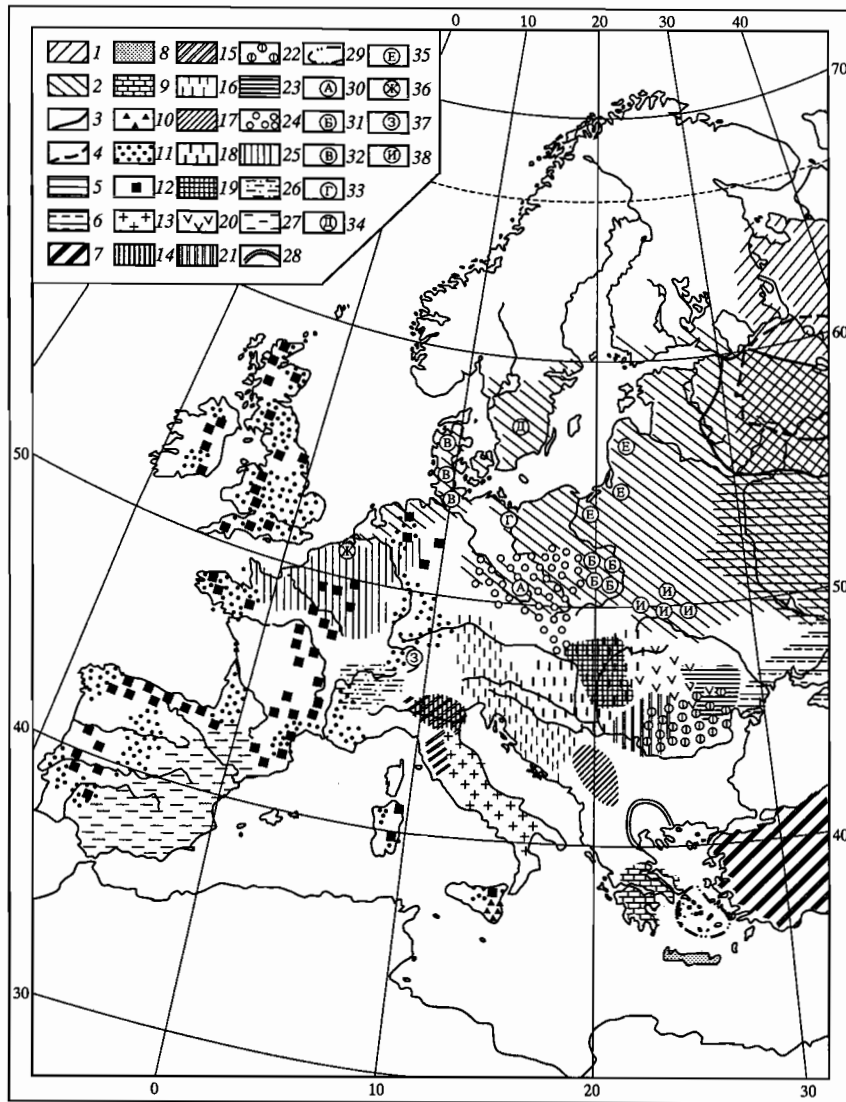
2) Культура злата в Польше: район большой излучины р. Вислы. Названа по могильнику у местечка Злота близ Сандомира в Южной Польше; датируется 2200–1700 гг. до н.э.

Карта 2. Европа в IV тыс. до н.э.

(Из книги: Чайлд, 1952: 456, с незначительными поправками)

1. Раннеиндийская цивилизация; II. Западноанатолийская культура; III. Раннекикладская культура; IV. Раннеэлладская культура; V. Раннемакедонская культура; VI. Культура Винча (Вардар-моравская культура); VII. Культура Тиссы; VIII. Культура Лендбел; VIIIa. Культура накольчатоленточной керамики; IX. Культура Гумельницы; X. Трипольская культура; XI. Кубанская культура; XIa. Степные культуры (?); XII. Культура воронковидных кубков; XIII. Культура I сицилийского периода; XIV. Культура сан-микеле; XV. Культура лос-мильярес и ее ответвление; XVI. Культура кортайо-лагоцца; XVIa. Михельсбергская культура; XVII. Культура шассей; XVIII. Уиндмиллхиллская культура; XIX. Культура бичарра; XIXa. Уистанская культура; XX. Лесные культуры с гребенчатым орнаментом.

Карта 3. Европа в первой половине II тыс. до н.э. Археологические культуры

(Из книги: Монгайт II: 51)

1 – культуры ямочно-гребенчатой керамики; 2 – культурно-историческая область шнуровой керамики и боевых топоров; 3 – фатьяновская; 4 – волосовская; 5 – приднепровская; 6 – катакомбная; 7 – западноанатолийская область культур среднего бронзового века; 8 – среднеминойская; 9 – среднеэлладская; 10 – кастелучь; 11 – колоколовидных кубков; 12 – распространение мегалитических сооружений; 13 – апеннинская; 14 – полада; 15 – ремеделло; 16 – альтгейм – мондзее – вучедол; 17 – бубани-хум; 18 – хатван; 19 – тосег; 20 – витенберг; 21 – ватина; 22 – глина – шнекенберг; 23 – монтеору; 24 – унетцкая; 25 – Сены – Уазы – Марны; 26 – Роны; 27 – лос-мильярес и пальмела; 28 – среднемакедонская; 29 – среднекикладская (см. продолжение на с. 89).

3) Культура шнуровой керамики Юго-Восточной Прибалтики. “Своеобразная культура шнуровой керамики существовала в Юго-Восточной Прибалтике, её называли *Haffküstenkultur* в ГДР или культурой Жуцево (*Rzucewo*) в Польше (по поселению в дельте Вислы). Х.А. Моора называет эту культуру висло-неманской. Среди ученых нет единого мнения об ареале этой культуры. Одни исследователи считают, что в Восточной Прибалтике жили племена культуры боевых топоров, не связанные с висло-неманской группой, другие считают висло-неманскую (жуцевскую) культуру и культуры боевых топоров на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии лишь разными ответвлениями одной и той же культуры” (Монгайт I, 282).

“В Восточной Прибалтике племена боевых топоров проникли не во все области, занятые охотничье-рыболовческими племенами. Как и в других областях Восточной Европы, те и другие обитали в смежных, но разных районах. Кроме того, в пределах Эстонии и Финляндии племена боевых топоров не сумели сохранить свои культурные традиции и к концу II тысячелетия до н.э. растворились среди местного населения. В Юго-Восточной же Прибалтике охотничье-рыболовческая культура полностью исчезла с появлением племен шнуровой керамики” (Монгайт I, 283).

4) Культура одиночных погребений в Дании, ФРГ и Нидерландах; в Дании культура боевых топоров появляется около 2000 г. до н.э. Поселения почти неизвестны.

5) Шведско-финская культура ладьевидных топоров. Ладьевидных топоров культура – составная часть северных культур одиночных погребений; в Швеции, Финляндии, на Борнхольме и восточных датских островах.

6) Культура кубков с утолщенным дном (Нижнерейнская культура кубков). Кубки с утолщенным дном характеризуются расширяющимся горлом, S-образным профилем и плоским утолщенным дном. “Сосуды украшались шнуровым орнаментом, отпечатками зубчатой лопаточки или насечками (при помощи рыбных косточек), принадлежали культуре, для которой типичны одиночные захоронения в грунтовых ямах или под курганами, использование боевых топоров. Эти признаки говорят о том, что культура представляет собой голландскую ветвь широко распространенного

Отдельные культуры, входящие в область шнуровой керамики: 30 – саксо-тюрингская; 31 – злота; 32 – одиночных погребений; 33 – одрская; 34 – ладьевидных топоров; 35 – висло-неманская; 36 – нижнерейнская культура кубков; 37 – верхнерейнская культура кубков; 38 – шнуровой керамики Западной Украины

комплекса *шнуровой керамики* – боевых топоров или культур *одиночных погребений*. ...Радиоуглеродный анализ позволяет датировать К.у.д. 2500–1900 гг. до н.э.” (Брей–Трамп: 127).

Культуры одиночных погребений – “общее название прошлых культур, появившихся в Северной Германии, а также в Скандинавии в позднем неолите (2500–2000 гг. до н.э., см. *Воронковидных кубков культура*). Обряд предусматривал *ингумацию* под *курганом* или в нем, иногда в яме или *домике мертвых*. Этот обряд, так же как использование каменных *боевых топоров* и керамики, украшенной *шнуровым орнаментом*, связывает культуры О.п. с огромным комплексом *шнуровой керамики* – боевых топоров, который в свою очередь многими учеными выводится из южнорусских курганных культур (см. *Кубки с утолщенным дном*)” (Брей–Трамп: 180).

7) Фатьяновская и ряд родственных ей культур на территории СССР. Распространена в центре европейской территории России, названа по могильнику у деревни Фатьяново Ярославской области; 1-я половина 2-го тысячелетия до н.э., известна в основном по могильникам.

Рассмотрение географического распределения культур, которые мы атрибулируем в данном случае как индоевропейские, приводит к выводу, что побережье Балтийского моря было занято индоевропейцами еще в период культуры *воронковидных кубков*, культура *шнуровой керамики* значительно расширяет эту территорию, но каких-либо принципиальных территориальных изменений в размещении местных вариантов не вносит. Самым важным моментом в этом расширении представляется распространение индоевропейцев на восточную территорию Прибалтики, так как, по свидетельству археологов, с этого времени на этой территории не усматривается сколько-либо значительных передвижений населения и смен культур: “Пожалуй, наиболее аргументированы с археологической точки зрения доказательства тех ученых, которые основывают свои выводы на том, что на территории Юго-Восточной Прибалтики со времени существования племен *шнуровой керамики* до времени исторических балтов не наблюдалось существенных передвижений населения, которые нарушили бы преемственность развития культуры” (Монгайт I, 286). Из этого следует ранняя локализация (со времени культуры *воронковидных кубков*) балто-славянского и протогерманского языков на побережье Балтийского моря и расхождение их в период культуры *шнуровой керамики*. Балтославянско-германское языковое единство подтверждается их значительной

близостью в области глагольной системы и, по-видимому, тождественность акцентной системы глаголов с корнями I класса (корни на нешумные), см. Дыбо 2003: 157–159. О значительном расширении территории балтийских диалектов на восток, возможно, связанном с движением на восток культуры *шнуровой керамики*, по-видимому, свидетельствуют балтийские заимствования в волжских финских языках, см. Серебренников 1957.

Если исходить из представленной выше раскладки неолитических и энеолитических археологических культур и сопоставить их даты с глоттохронологическими датами отделения индоевропейских языков, то анатолийской группе вообще нет места на карте Европы: время отпадения хеттского языка от индоевропейского определяется как 4880 г. до н.э.⁹ Согласно этой датировке, он по любой современной концепции прародины индоевропейских языков должен был отделиться от индоевропейского еще в Передней Азии. Время отделения тохарской группы определяется как 3880 г. до н.э. Можно было бы связать эту группу с культурой Лендьел, но эта культура лежит на территории, от которой отходят и на которую наслаиваются другие “индоевропейские” культуры, поэтому трудно связывать с этой территорией процесс изоляции какой-либо индоевропейской группы. Напрашивается другое предположение: это трипольская культура, одним из компонентов её была культура *Боян*, которая рассматривается как ответвление культуры *Винча* (см. Монгайт I: 241–242), правда в основе трипольской культуры лежала, как предполагают культура *линейно-ленточной керамики* или культура *кёреш*, относимые, по нашей схеме, к блоку, связываемому с северокавказской языковой семьей, но ведь все индоевропейские сообщества при колонизации Европы должны были наслаиваться и ассимилировать или ассимилироваться, объединяясь с этими “северокавказскими” группами и разрывая связи с родственными индоевропейскими. Из остальных глоттохронологических дат обращает на себя внимание датировка распада между индоиранским, балто-славянским, германским и италийским: 2840–2480 гг. до н.э., которая может также показывать в определенной степени как датировку обособления группы северных индоевропейских языков от южных групп (герман-

⁹ Глоттохронологические датировки здесь и ниже даются по спискам, составленным в рамках проекта исследований дальнего родства под руководством С.А. Старостина и обработанным компьютерной программой Starling: см. подробно <http://www.starling.rinet.ru>.

ский и латинский отделяются от них в 2840 г. до н.э., балто-славянский в 2720 г. до н.э.), так и отделение центральной группы индоевропейских языков от северной и южной групп (так, прагерманский “отделяется” от латинского в 2480 г. до н.э., а греческий – от албанского в 2760 г. до н.э.). Такая датировка хорошо соотносится с процессом распространения на север культуры воронковидных кубков и культурными процессами, последовавшими за ним.

Представляется, что пока это всё, что может дать подобное сопоставление языковых материалов и глоттохронологических датировок с археологической картой неолита и энеолита Европы. Именно в этот период происходит выделение основных индоевропейских семейств, и этот процесс вполне может быть связан с европейской археологической картой. Всякое другое рассмотрение вынуждает перенести процесс распада индоевропейского праязыка за пределы Европы, что связано с рядом неудобств, как материальных, так и теоретических: отсутствие археологической карты, необходимость объяснить единство адреса передвижения у уже разделенных сообществ и под.

Бронзовый и железный века значительно усложняют проблему сопоставления археологических культур и языковых сообществ и должны быть рассмотрены особо. Здесь же я хочу лишь пояснить мое отношение к глоттогенезу славян. В своей последней книге “Славяне. Историко-археологическое исследование” (М., 2002) В.В. Седов очень убедительно связал прародину славян с территорией племен поморской культуры, однако под давлением господствующей в языкознании концепции С.Б. Бернштейна – О.Н. Трубачева о “балто-славянской общности”, то есть о вторичном сближении славянских и балтийских языков в результате длительных и интенсивных контактов, отнес протославян и протославянский язык к племенам и диалектам средневропейской общности полей погребальных урн, что, конечно, неверно. Славянские и балтийские языки – потомки балто-славянского праязыка. Речь не может идти о возникновении праславянского языка из диалекта племени лужицкой культуры в результате контактов его с западнобалтийским языком. Временной разрыв между отделением диалектов лужицкой культуры и временем контактов их с западнобалтийскими языками можно определять как 2720 г. до н.э. – 550 г. до н.э. (начало миграции племен поморской культуры на территорию лужицкой культуры), то есть 2170 лет. За это время языки расходятся так, что о взаимопонимании между носителями их (без языка-посредника) не может

быть и речи. Праславянский и прабалтийский имели фактически тождественную просодическую (акцентную) систему. Заимствовать её невозможно. Балто-славянская просодическая (акцентная) система – это не фонетика и не морфология, – это морфонология. Относительно легко заимствуется фонетическая система, часто массово заимствуется лексика, могут даже заимствоваться фрагменты морфологической системы, особенно, если они имеют отчетливую семантику. Но заимствовать морфонологию можно, лишь заимствовав язык. Распределение морфонологических феноменов традиционно, закономерности его, как правило, не ясны для самого говорящего. При контакте и схождении даже близко родственных диалектов их морфонологические особенности устраняются, но не заимствуются.

Отделение славянского от западных балтов (от прусского языка) по глоттохронологической датировке (1110 г. до н.э.) совпадает по времени с образованием поморской группы памятников лужицкой культуры. Судя по описанию В.В. Седова, этот процесс происходит в результате распространения лужицкой культуры на западную часть территории балтов (см. Седов 2002: 61–66), по-видимому, именно этот процесс оторвал население поморской группы от западных балтов и положил начало выходу протославянского из группы западнобалтийских диалектов.

По-видимому ситуация со славянским демонстрирует нам, что при оценке соотношения индоевропейских языковых групп и археологических карт Европы бронзового и железного веков следует учитывать возможность существования в этот период полиэтнических археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.
 Брей-Трамп – Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультур. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
 Дыбо 2003 – Дыбо В.А. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина. 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 131–161.
 Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
 История Европы, I – История Европы. Т. I. Древняя Европа. М., 1988.
 Кухаренко 1969 – Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969.
 Монгайт I, II – Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. I. Каменный век. М., 1973; Т. II. Бронзовый и железный века. М., 1974.

Пассек и Черныш 1963 – Пассек Т.С. и Черныш Е.К. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Б 1–11. М., 1963.

Сафронов 1989 – Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Седов 2002 – Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Серебрянников 1957 – Серебрянников Б.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР // Lietuvos TSR mokslų Akademijos Darbai. I. Vilnius, 1957. С. 69–72.

Старостин 1985 – Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74–94.

Чайлд 1952 – Чайлд Гордон. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

Чирикба 1985 – Чирикба В.А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 95–105.

Brønsted 1961 – Brønsted J. Nordische Vorzeit. Bd. I. Steinzeit in Dänemark. Neumünster, 1961.

Forssander 1933 – Forssander J.E. Die schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen. Lund, 1933.

Krahe Hans. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.

Malmer 1962 – Malmer M.P. Jungneolithische Studien. Bonn-Lund, 1962.

Mallory J.P. and Adams D.Q. Encyclopedia of Indo-European Culture. London and Chicago, 1999.

Oldenberg 1952 – Oldenberg A. Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm, 1952.

Struve 1955 – Struve K.W. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein und ihre kontinentalen Beziehungen. Neumünster, 1955.

Я. Корженский

Чехия

КОММУНИКАЦИЯ В ЕВРОПЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ

1. История Европы – если смотреть на нее через призму ситуации в Центральной Европе – есть история интеграционных тенденций.

Константами данных тенденций являются следующие факторы:

а) интеграция Европы является средством разделения мира на данном этапе его существования;

б) интеграционные тенденции в определенном смысле отличаются идеологической, пропагандистской преемственностью. В качестве примера можно привести державно-идеологическое, а позднее лишь абстрактное идеологическое существование Рим-

ской империи (Римской империи германского народа) вплоть до Священного альянса. Эта идеологическая традиция была продолжена итальянским фашизмом и далее через прусский гегемонизм и Третью империю;

в) интеграция, по сути, всегда сводится к “поиску” границы, отделяющей Европу от не-Европы¹ внутри самой Европы. Приведем в качестве примера фактическое наличие границы между западноримской и восточноримской империями, длительное турецкое присутствие в Европе как гарантия соблюдения этой границы. Этого же порядка и опасения перед интеграцией Балкан, возникшие сразу же после вытеснения Турции из Европы. На современном этапе развития проявлением этого служит готовность признать наличие у Турции и западной Европы общих ценностей. В этом же ряду нужно рассматривать и нынешнюю драму (славянских) Балкан, селективные тенденции в центральной Европе и т.п.;

г) возрастает значимость того, что интеграция есть в сущности державно-политическая форма соответствующих экономических данностей.

Таким образом, в своей основе нынешние интеграционные тенденции являются современным вариантом тысячелетних интеграционных констант.

2. Языковая ситуация в Европе в значительной степени обусловлена в том числе и существующими интеграционными тенденциями. За такими лингвистическими понятиями как мировой язык, международный язык и пр. на самом деле скрываются реальные коммуникативные факторы языка (политико-экономи-

¹ В соотношении “Европа–не-Европа (в Европе)” структурно доминирует упоминавшаяся выше реляция “юго-восток–северо-запад”. Это, однако, отнюдь не означает иррелевантности соотношения “запад–восток”. Напротив, именно реляция “запад–восток” в одном из своих вариантов отражает наиболее укоренившееся этнополитическое, а также экономическое представление о центральной Европе. Именно эта “горизонтальная” реляция исторически стала основой решения проблемы роли и положения России в Европе. Мы имеем в виду следующие исторически конкретные варианты: а) вытеснение России из Европы в не-Европу (государственно-политическая граница Европы на востоке абсолютно не соответствует границе географической); б) с учетом реляции “юго-восток – северо-запад” Россия “используется” для осуществления государственных интересов северо-запада (активное участие России в ситуации на Балканах) или же европейского центра (прежде всего русско-польские отношения); в) Россия в качестве европейской державы (это прежде всего послереволюционная и посленаполеоновская Европа, эволюционирующая в направлении Священного альянса или же Россия второй половины XX столетия).